

Прошло минут двадцать, а может, полчаса, когда Цзян Жань появилась в дверях кабинета.

— Я на занятия, — позвала она. — Трость твою я принесла.

Она положила на стол маленький металлический шарик, взяла сумку и, уже уходя, бросила:

— Подожди меня, пообедаем вместе!

И снова помчалась на учёбу.

Эх, звёздные курсы для неё, пришельца из другого мира, были невероятно сложны. Она изучала языки и, кроме имперского, наверняка завалила бы все остальные. Непонятно, зачем она вообще ходила на эти занятия.

Но ходила исправно — без учёбы у неё не было бы даже предлога жить отдельно.

Вскоре после её ухода прибыли подчинённые Ци Лянь. Они привезли кое-какие вещи, а с ними явилась и Цянь Сюсю, отвечавшая за её гардероб. Та смотрела на Ци Лянь с печалью на лице.

— Ваше высочество, да это же безрассудство! Платья, аксессуары — как вы в них разберётесь? Ведь всегда я подбирала вам наряд и раскладывала всё по полочкам. Боже мой, как же вы будете справляться, переехав сюда?

Чистейший имперский выговор, преувеличенная, почти оперная интонация — так говорила Цянь Сюсю, женщина, которая в волнении начинала звучать, как певица.

Ци Лянь слушала с улыбкой, не отвечая на эти «жалобы». Цянь Сюсю была старой слугой из дворца, приставленной к ней с тех пор, как она стала нуждаться в уходе. Все эти годы, от Империи до Федерации, Цянь Сюсю была рядом. Теперь, когда Ци Лянь внезапно решила переехать без свиты, это, должно быть, сильно встревожило всех, кто о ней заботился.

— Всё в порядке. Жань поможет, она справится.

Пока Ци Лянь разговаривала с Цянь Сюсю, начальник стражи, долгое время служивший ей, распорядился расстановкой вещей.

— Ваше высочество... — Цянь Сюсю хотела продолжить, но Ци Лянь махнула рукой.

— Знаю, ты очень ответственна и, наверное, переживаешь. Я тоже волнуюсь, что Жань поначалу будет неловко. Поэтому прошу тебя приезжать раз в неделю — помогать подбирать одежду на каждый день. Тогда ей нужно будет только подавать мне её.

Эти слова немного успокоили Цянь Сюсю. Она боялась, что её высочество останется без должного ухода, но если так... проблем быть не должно. Впрочем...

— Но, ваше высочество, а как же вечерние наряды?

— Платья привезём, когда понадобятся. Сейчас у меня нет приёмов, верно? Если появятся — действуем по старой схеме. В этом я доверяю твоему вкусу.

Ци Лянь, переезжая, всё продумала и теперь объясняла чётко. Услышав это, Цянь Сюсю успокоилась окончательно и даже принялась помогать раскладывать вещи по шкафам.

Затем всплыли и другие проблемы: мало места для хранения, мебель неудобна для слепой... Ци

Лянь выслушала множество предложений по переустройству, но все отвергла.

Она и Цзян Жань не были настоящей парой, поэтому в доме Цзян Жань она была гостьей. А гость следует привычкам хозяина, а не наоборот.

В итоге, чтобы квартира не казалась тесной, Ци Лянь оставила лишь самое необходимое, а остальное велела увезти обратно.

Вернувшись домой, Цзян Жань тоже заметила перемены. Но они были настолько ненавязчивы, что она лишь удивилась скорости, с которой всё сделали, и ничего не сказала.

— Проголодалась? Прости, что заставила ждать.

Уходя, она уже поставила бульон томиться, и теперь он как раз дошёл до кондиции. Осталось лишь приготовить пару блюд — и отличный обед готов. Цзян Жань покрутилась на кухне и вскоре вынесла несколько тарелок, с улыбкой приглашая Ци Лянь к столу. Было всего двенадцать, для большинства это ещё рановато для обеда, но её слова были просто данью врождённой вежливости.

Ци Лянь подняла голову, едва Цзян Жань вынесла первое блюдо, — её привлёк невероятный, щекочущий ноздри аромат.

— Что это?

Будь она знакомее с квартирой, Ци Лянь, наверное, сама бы пошла на этот запах. А когда Цзян Жань повела её к столу, она впервые почувствовала, что десяток шагов могут длиться целую вечность!

— Суп, — ответила Цзян Жань, играя с ней. — Попробуй, угадаешь, из чего.

Она налила из бурлящего горшочка пиалу с янтарным бульоном и вручила Ци Лянь.

По мере приближения пиалы аромат усиливался. Ци Лянь почувствовала звериный голод и жадно сделала глоток.

— Осторожно, горячо! — успела крикнуть Цзян Жань.

Но было поздно. Ци Лянь обожглась так, что на глаза навернулись слёзы, но пальцы так и не разжали пиалу.

Куриный бульон? Первый глоток — сладковатый, бархатистый, очень похожий на куриный. Но без привычной жирности, да ещё с каким-то необычным, дразнящим ароматом. Трудно понять... Тем более что все мысли были захвачены этим неопишмым вкусом. Ци Лянь осторожно подула и сделала ещё глоток. Хрустящая соломка редьки, ещё один слой насыщенного, почти проникающего в мозг вкуса... Она не могла оторваться.

Цзян Жань, наблюдая, как та ест с таким наслаждением, невольно расплылась в улыбке. Для повара нет большей радости, чем видеть, как кто-то вкушает его стряпню.

И реакция Ци Лянь её определённо радовала.

— Ну как? Угадала?

— Это... куриный суп? — Ци Лянь с трудом оторвалась от пиалы. — Но почему он совсем не

жирный?

— Видишь, чем отличается тот, кто вырос на еде, от того, кто пил питательный раствор, — похвалила её Цзян Жань. — У тебя отличный вкус.

— А что ещё ты добавила?

Ци Лянь выглядела немного ошеломлённой. Неужели кто-то действительно способен сварить такой суп? Она никогда не считала себя гурманом, но только что её чуть ли не загипнотизировала простая пиала. Она поставила её, и в этот момент к её руке пододвинули тарелку с рисом, на которую Цзян Жань уже наложила еды.

— В этом-то и секрет. Я добавила ветчину — её здесь, кстати, ой как непросто найти! Ну и, конечно, прямо перед готовностью — редьку, чтобы добавить сладости. А насчёт того, почему курица не жирная... это уже дело техники. Объяснять бесполезно.

Это пиршество для вкусовых рецепторов началось так внезапно, но уходило медленно. Даже когда Цзян Жань убрала посуду, Ци Лянь всё ещё пребывала в каком-то сонном оцепенении.

Куриный суп был, само собой, волшебным. Следующее блюдо — жареные рёбрышки, из которых вынули кости и заменили их таро: сначала приготовленные на пару, потом обжаренные. Хрустящие снаружи, тающие внутри, с пикантным соусом — идеально для риса. А ещё одно блюдо, которое Цзян Жань назвала «Белыми тремя нитями», было из тонко нарезанных ростков бамбука, молодых побегов и зелёного перца. Может, их обжарили, а может, просто бланшировали — но они были невероятно свежими и хрустящими, идеально оттеняя предыдущие, более тяжёлые блюда.

Она съела две тарелки риса и выпила две пиалы супа!

Осознав это, Ци Лянь потрогала живот — там царил приятная сытость. Это чувство полного, до мозга костей удовлетворения она испытывала лишь однажды — в детстве, когда втайне объелась сладостей.

Но больше всего её поразило другое: даже будучи сытой, при мысли о тех блюдах ей казалось, что она могла бы съесть ещё!

С ума сойти...

— Ну как? Я не обманула?

Поскольку денег у прежней хозяйки тела оставалось немного, Цзян Жань не стала покупать посудомоечную машину. Помыв посуду, она вышла, вытирая руки.

Она устроилась в плетёное кресло напротив огромного панорамного окна. За стеклом синело небо, солнечный свет падал прямо на неё, заставляя прищуриться. Цзян Жань уютно устроилась в кресле и начала слегка покачиваться, словно ребёнок.

Ци Лянь повернулась на звук.

— Что?